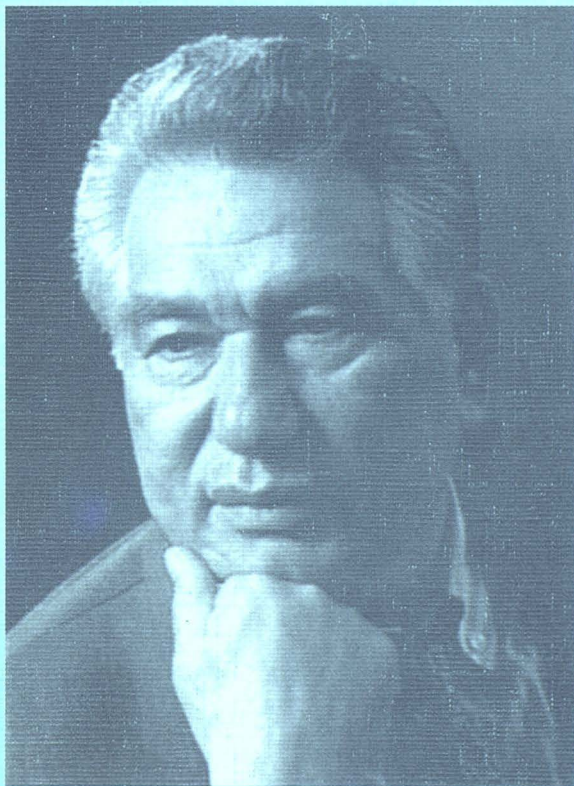

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ И ЛИТЕРАТУРА КАЗАХСТАНА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
ИМЕНИ М. О. АУЭЗОВА

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ И ЛИТЕРАТУРА КАЗАХСТАНА

Алматы, 2003

Ответственный редактор:
академик НАН РК, доктор филологических наук,
профессор Каскабасов С.А.

Редакционная коллегия:
академик НАН РК, д.ф.н., профессор Каскабасов С.А.,
д.ф.н., профессор Мамраев Б.Б., д.ф.н., профессор Маданова М.Х.,
к.ф.н., доцент Ананьева С.В.

Рецензенты:
доктор филологических наук,
профессор Елеукунов Ш.Р.,
доктор филологических наук,
профессор Абдуллина А.Б.

Ч63 **Чингиз Айтматов и литература Казахстана.** / Сост. Алтыбаева С.М.,
Машакова А.К. Алматы, 2003, 108 с.

ISBN 9965-25-328-5

Сборник статей к 75-летию со дня рождения Чингиза Айтматова. В статьях данного сборника анализируется творчество выдающегося писателя современности Ч. Айтматова в контексте мирового литературного процесса, выявляется своеобразие его творческой манеры, стиля, особенности художественного воспроизведения действительности полного событий XX века. Авторами научных статей проводятся интересные параллели между его произведениями и творчеством М. Ауэзова, Ю. Домбровского, А. Нурпеисова, Т. Пулатова, М. Симашко, Г. Бельгера, М. Пака. Также внимание уделено поэтике мифа, оценке творчества Ч. Айтматова за рубежом, передаче национального своеобразия его произведений в переводах на иностранные языки.

Настоящее издание предназначено специалистам гуманитарных дисциплин и широкому кругу почитателей творчества Чингиза Айтматова.

Ч 4603020100
00(05)-03

©Институт литературы и искусства
им. М.О.Ауэзова,
2003

ISBN 9965-25-328-5

КАЗАХСТАН В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА

Взаимосвязи близких по языку и традициям литератур выявляются значительно трудней, чем литератур, генетически не связанных друг с другом. Многие в развитии киргизской и казахской литератур сопоставимо и близко: близко родственны языки одной тюркской семьи, малая, временная дистанция от фольклора до письменных форм литературы, сложности перехода от поэтического видения мира к его эпическому освоению.

Однако, казахская литература, будучи более опытной в сравнении с младописьменной киргизской литературой, возникшей в 1924 г., повлияла на развитие последней, что отмечали поэты и прозаики Киргизии. Здесь особенно значима историко-культурная традиция, идущая от Мухтара Ауэзова. В свое время критика отмечала удивительный сплав традиций национальной и русской литературы в творчестве М. Ауэзова (влияние Тургенева, о котором говорил сам Ауэзов), своеобразии введения фольклорного материала в драматические произведения и особенности его использования в «Пути Абая», когда собственная и семейная биографии были включены в художественный текст. Это дало эффект необычный – отдельная судьба воспринималась как звено в исторической жизни народа. Мы знаем, что архива Абая нет, образ и стихи его существовали в сознании народа. Дед Ауэз был близким другом Абая, абаевская поэзия сопровождала Мухтара Ауэзова с детства до последних дней жизни, факт личной и семейной биографии ограниченно включился в реалистическое произведение, как и предания, легенды о поэте. Причем, устно-поэтические произведения о поэте, естественно, претерпевали трансформацию.

Деятельность такой эпохальной для Средней Азии и Казахстана творческой личности как М. Ауэзов не могла пройти мимо киргизского писателя, тогда еще студента Джамбульского зооветеринарного техникума, затем слушателя Высших литературных курсов. Такие известные уже в то время писателя как Айни, Айбек, Кербабаяев, А. Садыкбеков отмечали огромное влияние ауэзовской прозы на их творчество.

Кедрина считает, что Ауэзов заложил традицию в среднеазиатских литературах – искать и находить взаимосвязи между вековыми истоками народной мудрости и нравственными исканиями современности.

М. Ауэзов продолжил своей научной работой традиции культурно-исторической взаимосвязи народов Средней Азии и Казахстана и в том плане, что впервые в кандидатской диссертации, подверг киргизский эпос «Манас» литературоведческому анализу. Первым в истории науки киргизские мифы, легенды, обычаи, а также грандиозный (около 5 тыс. стихов) «Манас» записал в 1856 году Чокан Валиханов. В конце 30-х годов итог кандидатской диссертации Ауэзова был обсужден на заседании ЦК Компартии. И, вопреки существовавшему тогда вульгарно-социологическим

оценкам, эпос «Манас» был признан народным (а не феодально-байским), а имя молодого ученого прозвучало на всю Киргизию.

Будущий всемирно известный писатель Ч. Айтматов был тогда подростком. В 1951 году 24 января появляется в печати статья никому тогда неизвестного Ч. Айтматова «О терминологии киргизского языка», посвященная вопросам обогащения киргизской лексики за счет более интенсивного овладения богатствами русского языка.

На 40-50-е годы приходится время наибольшего увлечения Мухтара Ауэзова публицистикой, которая создавалась писателем на двух языках – русском и казахском, чаще на русском. Известно, что, прекрасно владея русским языком, М. Ауэзов считал, что он не вправе создавать на этом языке художественные произведения. Русскоязычная публицистика казахского писателя, равно как и некоторые его научные статьи, имела прецедент в истории среднеазиатской культуры в творчестве Ч. Валиханова. Молодой киргизский прозаик уже в первой статье определяет роль и значение русского языка в развитии национального. Айтматов пошел дальше Ауэзова в обращении к русскому языку, который стал для киргизского писателя еще одним языком творчества. С 1954-1956 гг. выходят в свет его рассказы, однако между ними и повестью «Джамиля», появившейся в 1958 г. – пропасть. Эта повесть сделала имя молодого 30-летнего прозаика всемирно известным.

В год выхода первой повести была опубликована статья–напутствие «Путь добрый!» («Литературная газета», 23 октября 1958 г.) казахского писателя М.Ауэзова молодому собрату по перу. Это была одна из первых рецензий на повесть «Джамиля» и предвидение блистательного творческого пути Айтматова. Ауэзов сразу включил творчество начинающего писателя в общесоветский литературный процесс, причем считал, что повесть – это тот жанр, который так необходим для дальнейшего развития среднеазиатских литератур. Проблемы психологизма, столь актуальные для литератур этого региона, надо и важно решать в таких жанрах, как рассказ и повесть. Поспешность многих в создании романа становится все более очевидной. В самом творческом пути Ауэзова прослеживаются все необходимые этапы эпического освоения жизни – рассказ, повесть, а затем роман.

Эпитет «лирический» сопровождает почти все повести Чингиза Айтматова. Критика отмечала особую исповедальность, которую автор не скрывал – собственное детство и отрочество просматриваются в образе Сеита, пережившего потерю любви и ставшего художником, в «аксайском десанте», уподобленном батырам Манаса, а на самом деле бывшим отрядом подростков, обессиленных трудностями военного времени; в непосильном труде и горе Толгонай воплотилось давнее детское воспоминание о жизни матери и тетки, несших на себе бремя ближайших родственников репрессированного Торекула Айтматова.

Эта исповедальность, лиричность – характерные черты в художественном отражении и образа Данияра, героя песни – не случайно

именно так хотел назвать свое произведение Ч. Айтматов («Обон» - песня). Разомкнув крошечное пространство аила, Джамилля уходит с Данияром в казахские степи (традиция казахской литературы). Очень скупо автор освещает инонациональный образ (неказист, хром, имеет строптивый нрав и – в его устах звучит широкая проникновенная песня, пленившая Джамиллю). Еще раз вернется зрелый Айтматов к образу казаха Едигея Жангельдина в своем первом романе, мало этого – местом действия изберет те казахские степи, о которых пел Данияр.

Но между этими произведениями 22 года неустанной творческой работы.

Поэтика повести «Прощай, Гульсары!» всесоюзную критику поразила смелостью необычного приема (внутренних диалогов между Танабаем и Гульсары), явной и в то же время глубоко новаторской фольклорностью, введением в мир идей, образов и символики народного творчества киргизов. В дальнейшем это станет яркой чертой айтматовского творчества: сопоставление, противопоставление мира людей и животных: и в то же время эти миры взаимосвязаны, они – часть самой природы. Целостное, синкретическое отражение жизни пытается воссоздать киргизский писатель, используя фольклор, отталкиваясь от фольклора, исследуя внутренний мир человека и окружающей его природы. Эта линия будет углубляться (прекрасный мир души мальчика – прекрасные маралы; Танабай и его Гульсары, Едигей и его друг Каранар, жизнь людей и жизнь волков в «Плахе») в творчестве Ч. Айтматова.

Художественная смелость Айтматова в указанных произведениях прежде всего состоит в том, что существующий в тюркском фольклоре (и кстати, спокойно воспринимаемый там) параллелизм жизни человека и животного производит необычайный эстетический эффект в русскоязычной аудитории. Русскую литературу не удивить этим («Холостомер» Л. Н. Толстого, «Тоска» А. П. Чехова, его же «Каштанка»). Однако, в этих произведениях мы чувствуем явную отъединенность человека и животного: «Так-то, друг, кобылочка!» – пожалуется герой чеховского рассказа, так как сказать о тоске больше некому. Князь Серпуховский и его жизнь совсем далеки от мира Холстомера, который «еще долго жил и его кожа, кости, мясо ни для чего не пригодились».

В русском фольклоре конь-друг появляется как дар судьбы, он может, как в пушкинской «Песни о вещем Олеге» принести смерть. В тюркском фольклоре он растет и мужает вместе с человеком (сын человеческий и животное) – так чудесно рождение Кобланды-батыра, Манаса, так чудесно рождаются их кони: герои вместе с конем проходят первые жизненные испытания, боевое крещение. Поэтому вышедшая в свет в 1936 г. поэма С. Сейфуллина «Красный конь» и увидевшая свет в 1973 г. на русском языке произвела впечатление своеобразного продолжения фольклорной традиции. Сейфуллин не поверял коню тайн любви, как это было в казахской поэзии, а

«обсуждал» с ним социально-политические вопросы – о том, как конь стал обобщественным, а значит, и ничейным.

М. Ауэзов сказал как-то в беседе с В. Рождественским, что в «народной поэзии есть заветные, повторяющиеся каждый раз по-новому темы: красота расцветающей природы, красота девушки, красота коня». Другой казахский поэт И. Джансугуров, используя устно-поэтические традиции, изменяет их: не только описывает жизнь коня лирического героя в единстве, не только гордится красотой коня, но и оплакивает его в похоронной песне – жоктау, бытующей в народе и осознаваемой им как народная. Жоктау предназначается самому близкому родственнику. Казахский поэт адресует её самому близкому другу – Кулагеру. Дни удачи и радости лирического героя совпадают со счастливыми днями коня. Человек и животное живут в гармоничном единении, согласии друг с другом, совсем как в фольклоре.

Как бы восходя на новую ступень по сравнению с достижениями казахской поэзии 30-х годов, Айтматов соединяет в своих повестях киргизский фольклор, традиции среднеазиатских литератур (казахской) и традиции классической русской литературы. Поэтому борются, мечтают, любят и погибают вместе с людьми олени, кони, верблюды... Они олицетворяют собой часть души и мысли самого автора. И не случайно в сюжете и образной системе произведений Ч. Айтматова так много места уделено жизни животных и зверей. Образы оленя, быка и волка в легендах символичны. Это от них по преданию ведут свою родословную тюркоязычные народы. В этом плане понятна символика волчьей семьи в «Плахе». Волчица поразила Авдия синим взглядом; он поразил ее беззащитностью и незлобностью – они узнали друг друга. Все живое продолжает жить в потомстве, но не дают люди выжить волчатам, и волчица-мать лишает людей радости видеть себя в потомстве, обрекает их на муку потери, которую сама пережила не однажды. Прародительница людей истребляет племя человеческое, мстя ему страшной карой. Эту тоску потери ощущают читатели, закрывая последние страницы «Белого парохода». Убив оленя, убив сказку, люди на кордоне убили в мальчике свое будущее. Заветные мысли о единстве всего земного в жизни воплощает автор не только в образах героев – людей, но и героев – животных и зверей.

Об образе Едигея Буранного критика писала много, особенно в том плане, что в раздумьях его о прошлом, настоящем много от самого автора, что Едигей – настоящий труженник и человек типичной судьбы. Мучительные мысли Танабая, пережитые им, были переданы более молодому по возрасту Едигею, и еще более усложнились. Не случайно включение двух легенд. Кстати, легенда о манкурте встречается впервые в повести А. Кекильбаева «Забытые легенды», вышедшей в свет в 1979 г. На примере рассказа Вл. Санги об утке Лувр мы можем представить, какие головокружительные изменения могла претерпеть и претерпела эта легенда под пером Айтматова.

Герой Айтматова живет в бескрайней степи, которая открывает дверь в Космос. Мысль Л. Леонова, что в связи с выходом человека в космос он должен осознать себя по-новому, лежит в основе романа. Перед лицом неизведанности человечеству надо быть во всеоружии памяти. Беспамятство грозит народу и человечеству неисчислимыми бедами. Память и любовь делают человека человеком. В романе родовое кладбище Ана-Бейит – Материнский Упокой – стало просто закрытой зоной. В контексте сегодняшнего дня можно по-новому прочесть роман киргизского писателя: отрыть закрытые зоны истории, возстановить «времен связующую нить».

Жизнь народов Средней Азии и Казахстана была известна Айтматову не понаслышке, будучи спецкорреспондентом центральной газеты «Правда», он видел праздники и будни родственных народов. Айтматов очень чуток к новому, внимание и интерес к творчеству и жизни народов региона не покидают его; большие проблемы современности решаются им в публицистике последних лет (статья «Перестройка, гласность – древо выживания» // Правда, 13 февраля 1988 г.).

В 70-е годы Ч. Айтматов, таджикский поэт М. Каноат и О. Сулейменов были захвачены идеей воссоздать поэтический образ Омара Хайяма в кино. Сегодня мы наблюдаем такое явление, когда литература вызывает появление произведений в других видах искусства. В 50-е годы трагедия «Абай» М. Ауэзова и Л. Соболева и эпопея «Путь Абая» породили оперу А. Жубанова и Л. Хамиди «Абай», в 80-е годы роман Ч. Айтматова «... И дольше века длится день» стал исходным пунктом в появлении новых произведений искусства в других видах – музыкальная композиция узбекского композитора Шермухамедова “Манкурт” и, вызывающий восторги, балет Б. Аюханова “Слезы матери” (Вспомним, классического “Демона” Лермонтова, Рубинштейна, Врубеля).

Когда-то в 30-е годы русский критик и литературовед Корнелий Зелинский написал: “Что дают русской литературе литературы народов СССР?”. Этот вопрос правомерен и сегодня. В отношении же изучения влияния казахской и киргизской литератур сделано очень немного, как и в вопросе о том, что же они дали современной русской литературе.

В очерках Ч. Айтматова отражена, в первую очередь, сложная и трагическая история советского народа, родная и близкая писателю Киргизия, братский Казахстан, многострадальные Россия, Белоруссия и Украина – те земли, над которыми прошел смерч войны. Главная проблема очерков – становление и развитие человека, сила народа.

Героями очерков становятся труженики тыла, дети военной и послевоенной поры, простые животноводы и земледельцы. И хотя они все – киргизы, казахи, русские – представлены киргизским писателем на киргизском и русском языках, но глубокое знание творчества казахских классиков вполне очевидно.

Очерк «Снега на Манас-ага» – о людях, духовно и кровно близких автору, о людях айла Шекер. Отмечая их жизненную стойкость в военные

годы, автор, говоря о сложных судьбах киргизов разных поколений, включает цитацию известного абаевского слова: «У великого казахского поэта Абая сказано, что жизнь – это движение моря, когда за грядущей катит следующая гряда, за волной «предыдущего поколения» следует новая смена, а за ней последующая и так без конца... И море живет». Завершается очерк словами казаха Бектурганова, бывшего фронтовика: «Каждый солдат должен выполнить посмертное поручение павших однополчан, сделать жизнь достойной человека».

Обобщение судеб аульчан дано через слова Абая, финал очерка включает слова фронтовика – так разные поколения казахов утверждают жизнь. Поэтично представляет автор казахские просторы и в очерке «О хлебе, о людях, о крае родном».

В интервью В. Коркину Ч. Айтматов особо фиксирует внимание на своих литературных учителях: называя Чехова, Толстого, в ряду великих мудрецов мира, он вспоминает среди своих наставников и великого казахского писателя Мухтара Ауэзова. Спустя пятнадцать лет, при издании книги «Плач охотника над пропастью» писатель скажет, что в его судьбе было два Мухтара: один – великий Мухтар Ауэзов, другой – поэт Мухтар Шаханов, названный в честь выдающего сына казахов.

Эта своеобразная книга-диалог, включившая в себя достижения жанра эссе и традиции устной импровизации – айтгыса. Беседы, диалоги двух замечательных современников – Ч. Айтматова и М. Шаханова – осветили проблемы языка, литературного творчества, этнопедагогике, массовой культуры. Проблемы духовности и бездуховности современного общества представлены на материале жизни и искусства киргизов и казахов, шире-азиатской, европейской и общечеловеческой культуры. Читатель откроет для себя Айтматова – публициста, Шаханова – историка культуры; поразится духовной близости родственных народов и их национальной самобытности. Книга представляет собой редкостный пример творческого симбиоза. Ч. Айтматов задолго до выхода «Плача охотника над пропастью» создал интереснейшее драматургическое произведение в соавторстве с Калтаем Мухамеджановым. Это философская драма «Восхождение на Фудзияму», имевшая заслуженный успех. Если М. Ауэзов назвал три источника своего творчества (устная казахская поэзия, русская литература), то в духовном становлении Ч. Айтматова, наряду с родным киргизским фольклором, русской и зарубежной литературой, особое место занимала казахская литература.

Образы казахов, проблемы казахского народа, факты творческого содружества большого писателя с казахами-товарищами по перу, обращения к классикам казахской литературы – это этапы осознания места Казахстана и его людей в духовной эволюции выдающего писателя современности.

